

СТОРИНКИ ІСТОРІЇ

УДК 329.1/6(4/9)

Гулиев Ариф,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник образования Украины,
профессор Института международных отношений
Национального авиационного университета, г. Киев,
Алойева Кямаля,
диссертант кафедры социологии и политологии
Бакинского государственного университета

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МНОГОПАРТИЙНЫХ
ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН (РОССИЯ,
ГРУЗИЯ, АЗЕРБАЙДЖАН)**

В статье проведен сравнительный анализ становления многопартийности в ряде стран постсоветского пространства на примере России, Грузии и Азербайджана. Определена динамика образования многопартийных систем в этих государствах. Акцентировано внимание на особенностях становления и развития многопартийной системы Азербайджана. Обоснован и подтвержден вывод о том, что партии и партийные системы, формирующиеся после распада СССР, обладают как общими чертами, так и спецификой, обусловленной социальными, экономическими, политическими и культурными условиями.

Ключевые слова: многопартийность, постсоветские страны, динамика многопартийности.

У статті проведено порівняльний аналіз становлення багатопартійності в низці країн пострадянського простору на прикладі Росії, Грузії та Азербайджану. Визначена динаміка створення багатопартійних систем у цих державах. Акцентовано увагу на особливостях становлення та розвитку багатопартійної системи Азербайджану. Обґрунтовано й підтверджено висновок про те, що партіям та партійним системам, які сформувалися після розпаду СРСР, притаманні як загальні, так і специфічні риси, обумовлені соціальними, економічними, політичними та культурними умовами.

Ключові слова: багатопартійність, пострадянські країни, динаміка багатопартійності.

In the paper, a comparative analysis of the formation of a multi-party system in a number of countries of the post-Soviet territory, on the example of Russia, Georgia and Azerbaijan, is carried out. The dynamics of the formation of multi-party systems in these countries is determined. Attention is drawn to the peculiarities of the formation and development of multi-party system of Azerbaijan. The conclusion that parties and party systems formed after the collapse of the USSR have both general features and specificities conditioned by social, economic, political and cultural conditions is substantiated and confirmed.

Keywords: *multi-party system, post-Soviet countries, dynamics of a multi-party system.*

Стремительные изменения, происходящие в современном постбиполярном мире, ставят на повестку дня необходимость тщательного изучения политических систем. Что касается так называемых постсоветских стран с просматривающейся там тенденцией отхода от демократических принципов развития общества и государства особый интерес представляют классификационные схемы Джованни Сартори, а именно его концепция доминантных партийных систем.

Следует отметить, что многопартийные динамические системы привлекали и продолжают привлекать внимание множества исследователей, среди которых следует отметить таких известных ученых, как А. Блум, Ю. Габермас, Н. Постман, С. Хантингтон, Ж. Блондель, П. Розвалон, К. Гаджиев, А. Макаркин, А. Мельвиль, и многих других.

Вместе с тем, правовой статус всех модификаций многопартийности все еще остается вне поля зрения исследователей. Таким образом, авторы публикации поставили перед собой цель проанализировать данный статус, исходя из концепции Дж. Сартори на примере постсоветских стран: России, Грузии и Азербайджана.

Исходя из принципов “флорентийской школы”, к которой он, собственно, и принадлежит, Дж. Сартори значительное внимание уделяет критике т.н. “горизонтальной демократии”. Соответственно, он выделяет три модификации многопартийности с доминантной партией: преддоминантная партийная система, доминантная партийная система и авторитарно доминантная система. Причем уточняет, что данная схема более всего применима к странам традиционного уровня со слабыми структурами гражданского общества. В этих условиях государство предпринимает усиленные меры для формирования гражданского общества, однако одновременно стремится контролировать этот процесс. Одним же из элементов такого контроля обычно является доминирующая, она же правящая, партия [1].

Убедительной иллюстрацией этого факта является процесс формирования многопартийных систем на постсоветском пространстве. Собственно, все доминантные партийные системы независимо от формы доминирования имеют сходство. Одна из таких особенностей – распространение патроната и ориентаций на личные связи. Второй особенностью является то, что доминантные партии часто выступают как партии центра – центристские партии. В преддоминантных и доминантных партийных системах преобладают законные демократические механизмы. Кроме того, доминирующая партия, являясь правящей, определяет состав исполнительной власти. Опыт показывает, что партийные системы с доминированием одной партии возникали в государствах, перед которыми стояли задачи социально-экономической модернизации, строительства современного государства, формирования гражданского общества и включения широких масс в политическую жизнь.

Динамика многопартийности в России. В свете концепции Сартори современная Россия прошла несколько этапов на пути к нынешней модели: поляризованного плюрализма 1991–1993 гг., его трансформации в систему умеренного плюрализма, и, наконец, с 2002 г. (образования партии “Единая Россия”) – нынешнего ее состояния. Как считают многие исследователи, российскую модель многопартийности с доминантной партией можно отнести к доминантным авторитарным системам. Более того, ряд аналитиков, ведя речь об эволюции доминантной “Единой России”, начинают проводить параллели с КПСС, в свое время настолько сросшейся с государством (с закреплением данного факта на законодательном

уровне), что она практически была не отдельной партией, а определённым срезом общества [2, с. 55; 3].

Даже при наличии традиционно сложившегося спектра партий различной идейно-политической ориентации доминирование “Единой России” в партийной системе не вызывает сомнений, причем оно даже усилилось после реформы избирательного законодательства 2004 года – отмены смешанной системы на выборах в Государственную Думу и перехода к пропорциональному избранию. Очевидным является и резкое сокращение участников избирательного процесса [4, с. 83–90].

Такая ситуация в России определяется несколькими факторами. Во-первых, для обеспечения господствующего положения партией “Единая Россия” используются самые различные недемократические средства – ограничение свободы СМИ, несправедливые выборы, не совсем демократичный закон о партиях и т.д. Во-вторых, партия “Единая Россия” выполняет весьма своеобразную роль в системе государственной власти, она служит скорее придатком механизма государственного управления для обеспечения процесса принятия законодательных решений. В-третьих, внутрипартийная жизнь “Единой России” не так разнообразна и свободна в смысле фракционной борьбы [5, с. 159–160].

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос: “Сможет ли партия “Единая Россия”, партия власти в России, способствовать демократизации?”. Прогнозы относительно ответа на этот вопрос весьма осторожны и обусловлены наличием определенных условий. А именно, для обеспечения партийной демократизации необходимы или выборы президента на партийной основе, или внедрение практики формирования правительства на основе партийного большинства в Государственной Думе России. Иными словами, обеспечение доступа к власти другим политическим партиям создаст необходимые стимулы для дальнейшего развития партийной демократии. В то же время следует подчеркнуть, что этот путь хотя и вероятный, но очень длительный.

Динамика многопартийности в Грузии. До самого последнего времени партийное строительство в Грузии носило отпечаток номенклатурной модели, и, несмотря на смену поколений, некоторые прошлые поведенческие стереотипы политических элит до конца еще не изжиты.

Первые политические партии периода перестройки, за исключением нескольких небольших объединений социалистической направленности, в основном ориентировались на достижение Грузией государственного суверенитета и на борьбу с коммунистическим наследием. Наиболее же действенной альтернативой коммунистической идеологии воспринимался национализм. Неудивительно, что после падения однопартийной системы политически активные социальные слои перешли в другую крайность, образовав впечатляющее количество партий и движений, что, впрочем, характерно для обществ переходного периода.

Вообще, на протяжении всего постсоветского периода развития функционирование политической системы Грузии характеризуется высокой степенью нестабильности. В условиях независимости развитие политической системы Грузии сопровождалось дисфункциями и кризисами. Причем, существенным источником нестабильности политической системы оставалась система политического управления. [6, с. 53] Тем не менее, сегодня многопартийность, приобретая в Грузии несколько гипертрофированные формы, постепенно начинает входить в рациональное (в количественном смысле) русло. На современной политической арене находятся четыре сравнительно влиятельные партии. Однако партийный расклад сил трудно назвать сбалансированным в условиях очевидного доминирования правящей партии.

Функционирование политических партий в Грузии определяется также целым рядом внутренних факторов, из которых можно выделить несколько ключевых. В первую очередь, это отсутствие или второстепенность четко сформулированной идеологии, системы ценностей, программы – и, соответственно, непоследовательность и беспринципность поведения, направленного лишь на участие в выборах, достижение и удержание власти. В определенном смысле существует деление партий на правые и левые, однако такое деление весьма условно. Все более или менее влиятельные партии склоняются влево, в той или иной степени поддерживают идею сильного и патерналистского государства.

Такой оппортунизм приводит к тому, что партии, да и общество в целом, ориентируются, в первую очередь, на лидеров и их личностные качества или былые заслуги, лозунги и обещания, а не на последовательную программу действий, привлекательную систему ценностей или политическую принципиальность [7, с. 82].

Для Грузии характерен распад правящей партии сразу после ухода из власти. Партия в данном случае выступает как механизм легитимации власти и вследствие этого демонстрирует слабую жизнеспособность, в каком-то роде она – партия-государство, сосуществующая с государственным аппаратом, и потому не имеет функций, которые могли бы быть осуществлены вне пребывания во власти, например, в оппозиции. Грузинские партии недолговечны, власть всегда попадала в руки партии, основанной либо незадолго до этого (“Национальное Движение”), либо вообще после прихода во власть (“Союз Граждан”). Напротив, оппозиционные партии, имеющие долгую историю существования в оппозиции, имеют мало шансов прихода во власть. Одним из стабилизирующих факторов может стать развитая партийная система, однако в нынешнем своем состоянии она всего лишь механизм консолидации и легитимации правящих элит. Дисбаланс в системе разделения властей способствовал тому, что в постсоветский период в Грузии трижды происходила смена высшего руководства и все три раза – революционным путем [8; 6, с. 59–60].

Нельзя не отметить и существенное влияние на политическую систему Грузии этнополитических конфликтов. Поражения в борьбе с сепаратистскими силами, иностранное вторжение и перманентное внешнее влияние как на политический процесс, так и на нормотворчество серьезно деморализовали грузинское общество, инициировав возрастание влияния популистских сил, их удельного веса в политической системе, что засвидетельствовала победа Георгия Маргвелашивили на президентских выборах в 2013 г. Кстати, подобное развитие ситуации вполне вписывается в концепцию Дж. Джудиса [9].

В настоящее время период формирования партий нельзя считать пройденным, потому что на раннем этапе возникновения современных партий налицо их значительная персонифицированность, т. е. объединение вокруг популярной личности и прагматических целей без четкого различия программ.

Интересно и то, что правящая партия Грузии пришла к власти в результате выхода оппозиции из правящей элиты, в условиях слабости оппозиции традиционной и инкорпорировав значительное число политиков, перешедших на сторону новой власти [10, с. 11–12].

Такая модель представляется достаточно типичной в условиях полуавторитарных режимов. Именно раскол правящей партии является основным фактором политической динамики, когда политическая оппозиция слаба, не имеет популярного лидера и, естественно, не развивается. В такой ситуации возникает вопрос: а способно ли грузинское общество (да и переходное постсоветское общество

вообще) создать массовую политическую партию западного типа, объединяющую людей со схожими взглядами на государственное строительство, одинаковыми ценностями и конструктивной, позитивной ориентацией. Во всем мире наблюдается некоторый кризис и деидеологизация партий, но в переходных обществах этот процесс развивается иначе. Авторы предполагают, что чрезмерная динамичность политической жизни не дает партиям вызреть и формироваться, и вряд ли можно ожидать коренного изменения ситуации в ближайшее время.

Динамика многопартийности в Азербайджане. Согласно европейским представлениям о демократии, построение четкой партийной системы из двух, трех или более крупных политических организаций, соперничающих между собой на выборах, считается признаком развитости институтов гражданского общества. В отличие от общих европейских тенденций развития партийных систем, Азербайджан, сохраняя исключительно мажоритарный принцип выборов в парламент, пока, фактически, движется по пути создания большого количества партий, при доминировании одной и, соответственно, при отсутствии системы реального партийного соперничества. Этим объясняются перевес личностной, а не идейной борьбы, минимальная разница в политических платформах партий. Однако начальный этап формирования политических партий в Азербайджане можно считать завершившимся.

Формирование политических партий и организаций Азербайджана происходило параллельно процессам “перестройки” и отразило структуру общества, преобладающие общественные настроения, взгляды и идеи общественных деятелей, интеллигенции. Если в Грузии сложилась “классическая” европейская схема расстановки политических сил – “левые – правые”, а в Армении – несколько своеобразная схема “традиционалисты – либералы”, то в Азербайджане произошло “смещение” этих двух схем, что обусловило большую неопределенность в идеологических ориентациях. Большинство партий Азербайджана задекларировали свою социальную идеологию, определив спектр, к которому они относятся.

Анализ многопартийных динамических систем на примере постсоветских стран России, Грузии и Азербайджана свидетельствует о том, что зачатки многопартийности начали формироваться уже с конца 1988 года в виде так называемых альтернативных общественных движений, народных фронтов, представляющих главным образом движения за национальное возрождение в республиках, и иных неформальных объединений. Правовой точкой отсчета на этом пути стала отмена третьим Съездом народных депутатов СССР конституционного положения о руководящей роли КПСС и легализации принципа политического плюрализма.

Акцентируя внимание на динамике партий и партийных систем в Азербайджане, необходимо учесть два очень важных с методологической точки зрения момента. Первый момент сформулирован известным американским исследователем Т. Святоховским, который отмечал, что специфической чертой политической сферы Азербайджана является то, что политические партии формируются вокруг личности лидера, а не вокруг идей, программ, идеологий. [11, С.32]. Второй момент, который, на наш взгляд, необходимо учесть – это ощутимая тенденция консолидации в регионах. Иначе говоря, это регионализм, в том числе и в политической сфере. Этот момент становится очевидным при изучении регионального состава отдельных политических партий Азербайджана.

В период, когда маховик исторических событий на постсоветском пространстве только начинал раскручиваться, шансы демократического движения на заметный успех в его противостоянии с КПСС казались небольшими. Коммунисты явно плохо подготовились к переменам. В то время, как одна часть партии с неожиданной

для общества предприимчивостью включилась в иницилируемые ею же процессы разгосударствления социалистической собственности (сумев даже убедить определенные круги на Западе и часть отечественной демократической общественности, что преобразование собственности в СССР возможно лишь путем номенклатурной приватизации), другая ее часть заняла позицию критики всякой приватизации и готовилась к тому, чтобы, используя неизбежное недовольство широких масс несправедливостями приватизации, вновь выступить в роли защитника обездоленных и создать мощную социальную базу для возрождения коммунистического движения.

Однако в массовом сознании поражение компартии было в тот период отнюдь не столь очевидным. И хотя, по данным ИСПИ РАН, более половины населения полностью согласилось с решениями о приостановлении деятельности КПСС и считало, что эта партия не должна возобновлять свою деятельность, 28 % респондентов, напротив, были убеждены, что компартия должна возродиться, а почти половина опрошенных коммунистов (46 %) были готовы возобновить свое членство в партии [12, с. 1024]. При этом только каждый четвертый респондент был уверен в том, что после запрета КПСС страна пойдет по пути демократического развития, и, одновременно, столько же полагало, что в этом случае страну ожидает диктатура новой власти. Показательно, что половина опрошенных не смогла определенно высказаться по данному вопросу. Таким образом, в обществе, в отличие от высших эшелонов власти, явно не было эйфории победы. Общество, по мнению наблюдателей, “расколосось и затаилось”.

После крушения КПСС процесс становления многопартийности в Азербайджане вступил в качественно новую стадию. Если раньше политическая активность партий и движений самой разной ориентации была преимущественно направлена против КПСС и отождествлявшегося с ней союзного центра, то теперь они были вынуждены искать новую основу для самовыражения и самоидентификации (это, прежде всего, касалось так называемого демократического движения, которое, по сути дела, всегда было лишь объединением “против”, а не “за”). “Так называемого” потому, что “демократ”, “демократическое движение” и т.п. – это всего лишь приемлемое для народного слуха демагогическое название всего антикоммунистического. При этом как-то забывается, что коммунисты тоже стоят на позициях демократии, но демократии пролетарской, т.е. неправовой, использующей массы как средство подавления индивида. Антикоммунистическая же демократия – это демократия буржуазная, т.е. правовая, либеральная, основанная на принципах защиты прав меньшинства, свободы индивида. А для буржуазной демократии (т.е. демократии в позитивном, а не просто в антикоммунистическом смысле) в Азербайджане пока что условий нет, так как нет развитого гражданского общества и нет среднего социального слоя, который мог бы быть реальным носителем основных ценностей буржуазной демократии – свободы, собственности и права.

Собственно, и после краха системы однопартийности, после недолговременного периода многопартийности с претензией на руководящую роль “Народного фронта Азербайджана” (ПНФА), в стране сформировалась именно доминантная партийная система, в которой лидирующую роль исполняет партия “Новый Азербайджан” – правящая пропрезидентская политическая партия Азербайджана [13].

Невзирая на обвинения со стороны оппозиции (являющей собой, в основном, сколы ПНФА и одну из старейших политических партий Евразии – “Мусават”), правящая партия демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению мест в парламенте, пользуясь, правда, при этом максимальной поддержкой государственных органов при проведении своих избирательных кампаний. В качестве

основных задач правящая партия видит укрепление экономики страны, сохранение общественно-политической стабильности, решение карабахской проблемы. Партия “Новый Азербайджан” обладает абсолютным большинством депутатских мандатов в Милли Меджлисе, она стала прочной и надежной политической базой для действующего режима. Эта партия – пример образования партии по региональному принципу. В ее составе преобладают представители Нахичиванско-иреванского региона. Идеологический профиль партии ближе к либерально-демократическому, по крайней мере, такая ориентация официально декларируется партией.

Собственно, следует отметить незавершенность демократии как политической, экономической и социальной формы организации общества. И в данном контексте оппозиционные партии Азербайджана, как правило, имеют довольно несущественный социальный фундамент. Они не владеют платформой, соответственно с которой определялись бы конкретная политика и ежедневные действия. Идеологические ориентиры не определены, широко распространен популизм, такие партии, которые большей частью являются объединениями определенных личностей для овладения властью, дифференциация по левым и правым идеологиям отсутствует и довольно часто партии, называющие себя правыми или либеральными, манипулируют четко левыми и социальными идеями. Впрочем, это касается всего современного европейского политического пространства. Соответственно, во власть попадают партии, у которых нет четко выраженных принципов, и когда они теряют свою легитимность, вопрос возвращения во власть больше не обсуждается [14].

Еще одним штрихом, подчеркивающим доминантность многопартийной системы Азербайджана, является существенное увеличение количества зарегистрированных в стране политических партий. В Министерстве юстиции Азербайджанской Республики в 2010 г. были зарегистрированы 54 партии [15, с. 136].

Проведенный нами анализ становления многопартийности в ряде стран постсоветского пространства подтвердил почти аксиоматический вывод о том, что партии и партийные системы, формирующиеся после распада СССР, обладают как общими чертами, так и спецификой, обусловленной социальными, экономическими, политическими и культурными условиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Сартори Дж.* Партии и партийные системы. М.: Приор-издат, 2002. 230 с.
2. Сравнительная политология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-пресс, 2015. 752 с.
3. *Каспаров Гаррі.* Зима наближається. Харків: КСД, 2017. 320 с.
4. *Барабанов М.В.* Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития. М: Издательство МГОУ, 2011. 456 с.
5. *Мелешкина Е.Ю.* Доминирование по-русски или мировой феномен? Политическая наука. 2006. № 1. С. 137–163.
6. *Максимова Е.Н.* Дисфункции политической системы Грузии (1991–2010 гг.). Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 13: Серия “Политология. Религиоведение”. С. 52–60.
7. *Тархан-Мурави Г.* Политические партии в Грузии. Затянувшееся становление. М., 2006. [Грузинською мовою].
8. *Тихонов Д.Ю.* Современное состояние и развитие партийной системы Грузии. URL: <http://teoria-practica.ru/-6-2011/politics/tikhonov.pdf> (дата звернення: 08.08.2017).
9. *Джудіс Джон Б.* Великий вибух популізму: як економічна криза змінила світову політику. Харків: КСД, 2017. 192 с.
10. *Нодиа Г.* Политические партии в Грузии. Строительство демократии в Грузии. Тбилиси, 2003. [Грузинською мовою].

11. *Святоховский Т.* Россия и Азербайджан. Приграничный район в переходный период. Б.: Издательство Университета Хазар, 2000. 373 с. [Азербайджанською мовою].
12. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 35. 1300 с.
13. Закон Азербайджанской Республики от 1992 года. О политических партиях. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2839 (дата звернення: 04.05.2017).
14. *Розанвалон П.* Демократична легітимність, безсторонність, рефлексивність, наближеність / пер. з фр. Євгена Марічева. Вид. дім “Кієво-Могилянська академія”, 2009. 287 с.
15. *Мамедов Ф., Аллахярлова Т.* Политические партии Азербайджана: от одних выборов к другим. Б., 2010. 136 с. [Азербайджанською мовою].

Отримано 27.10.2017